

Пролог

— Нравится? Да не вороти рожу, смотри, мать твою!!!
Нравится?!

Рудин рожу не воротил — за двадцать лет своей собачьей службы и не такое видал. А эти трупы были вполне ничего — ну подумаешь, слегка черепа подпорчены. Кроме того, несмотря на июньскую жару, в рефрижераторе было прохладно и за сутки химические процессы не успели набрать силу — характерный запах тления ощущался очень слабо. Рудин едва не брякнул: да, мол, нравится, симпатичные «двухсотые», — но сдержался. Нехорошо так — о покойниках... Негодование начальника разведки полка было оправданным: через полтора часа должен прибыть санитарный борт за «двухсотыми», а с бортом — следственная бригада военной прокуратуры под предводительством окружного прокурора для выяснения обстоятельств гибели полковников из комиссии по разоружению.

Полковников убил чеченский снайпер: произвел два выстрела с интервалом в четыре секунды и безнаказанно

смысла. А часика этак через три, когда закончилось прочесывание местности, бойцы из расчета «зушки» обнаружили впившуюся в дощатый бруствер окопа арбалетную стрелу, к которой скотчем была примотана записка, выполненная печатными буквами от руки: «Минус два. Всем спасибо. Терминатор».

За этим долбаным Терминатором Рудин, возглавлявший группу ликвидации снайперов, безуспешно охотился уже два месяца. В отличие от других собратьев по ремеслу, пользовавших всех подряд, этот паразит обслуживал только важных персон. Он не таскал с собой группу обеспечения, которая хотя и привносит в работу снайпера гарантии относительной безопасности и комфорта, но вместе с тем является сильным демаскирующим фактором. Он умел искусно маскироваться рядом с позициями федеральных сил и терпеливо выжидал появления интересующих его особ. Он, вне всякого сомнения, получал из достоверных источников информацию о прибытии начальников. Эти начальники появлялись в зоне ответственности полка неожиданно для Рудина со товарищи: без знаков различия, как правило, под видом никому не опасных интендантов, стараясь соблюсти инкогнито.

Терминатор же «интендантов» ждал. Он молниеносно вычислял их, производил несколько выстрелов — по количеству голов — с интервалом в три-четыре секунды и стремительно уходил. За два месяца зона ответственности полка приобрела в группировке дурную славу, и большие начальники перестали посещать позиции вовсе.

Полковники, лежавшие сейчас в холодильнике, о Терминаторе знали — их предупредили сразу же по прибытии. И не то чтобы дядьки упертые были или необстрелянные — опыта вроде бы не занимать. Просто какая-то скотина там, наверху, объявила мораторий на ведение боевых действий с духами, и полковникам нужно было работать: ездить по селам и уговаривать «чехов»¹ продавать нам оружие, украденное в свое время у нас же. Из-за этого долбаного моратория весь шум и получился. Если бы полковников приговорили в период активных боевых действий, все пошло бы по наработанной методике: ударим очередной зачисткой по оборзевшей непримиримой оппозиции. Но в настоящий момент имело место так называемое перемирие, утюжить «вертушками» и «градом» окрестные леса было нельзя, а не реагировать на случившееся начальство не имело право. Вот и ждали прокурора...

Как это ни странно, Рудин некоторым образом симпатизировал Терминатору. Во-первых, этот прохвост никогда не трогал солдат, прапорщиков и младших офицеров — возможно, просто не желая заниматься низкооплачиваемой работой. Во-вторых, в его пристрастии оставлять записки прослеживалась некая элегантность и презрение к риску: выстрелив, снайпер перестает быть невидимым для противника, его ищут всеми имеющимися силами на большой площади, а чтобы выпустить стре-

¹ «Чехи» — чеченцы (*разг.*). — *Здесь и далее примеч. авт.*

лу из арбалета, необходимо подойти к позициям довольно близко. И последнее: Рудин, сам профессионал с большой буквы, уважал незримого супостата за высокое мастерство и соблюдение своеобразного кодекса войны. Терминатор никогда не глумился над жертвой подобно тому, как это делали ублюдочные «белые колготки», отстреливавшие у наших бойцов яйца и не дававшие санитарам подползти к истекающему кровью раненому, — «работал» исключительно в голову и ни разу не промазал, не беспокоил в праздники и... не трогал женщин. Полковник медслужбы Сергеева, инспектирующая санитарное состояние временных пунктов дислокации в самый разгар терминаторского марафона, полдня гуляла по позициям, не заботясь о маскировке и повергая добровольных телохранилителей в смятение, — после обеда те же самые бойцы злополучного «зушечного» расчета обнаружили впившуюся в бруствер арбалетную стрелу с запиской: «У вас отвратительный макияж, полковник. Рекомендую пользоваться французской косметикой. Терминатор».

— Я их уже видел, — буркнул Рудин, стараясь не смотреть на лица покойников. — Ты зачем меня сюда привел? Вдохновить хочешь?

— Хочу, — зло бросил майор. — Хочу, бляха, чтобы мне перестали тыкать пальцем все, кому не лень!!! Ты считал, бляха, сколько за два месяца этот козел наших парней перех...ярил? Считал, нет?! Хотя чего это я — тебе ж, бляха, люди по фую! Ты ж, бляха, только вот об этих ублюдках думаешь! — начальник разведки резко ткнул

пальцем куда-то в направлении пупка Рудина, имея в виду двух здоровенных овчарок, неотлучной тенью маячивших позади хозяина и с любопытством заглядывавших в рефрижератор. «Ублюдкам» жест майора не понравился: они синхронно вздыбили шерсть на загривках и тихо зарычали, пожирая ругателя неприязненными взглядами.

— Отбой, — машинально выдохнул Рудин, пристукнув себя по бедру, и псы сели и замерли, наблюдая за майором. — Зря ты так, Палыч... Ты теперь что — до самой смерти мне будешь это поминать? — Рудин кивнул в сторону носилок с трупами и сглотнул подступивший к горлу комок. — Если считаешь, что я виноват, скажи прямо! А то жлобу заточил, косишься ходишь... Ну, скажи!

— Прокурор с «вертушкой» будет, — обронил майор после некоторой паузы, не глядя на Рудина. — Этот чмо, — он потыкал пальцем в сторону минного поля, простирившегося перед позициями заставы, — он наверняка будет его пасти — жопу дяде подарю, если это не так. Мои, конечно, с утра по «зеленке» ползали, но сам знаешь... В общем, как с поля брякнут, что «вертушка» к нам пошла, берешь свою группу — и вперед. И это... в общем, точно — виноват ты. — Начальник разведки захлопнул дверь рефрижератора и продолжил, немигающе уставившись на подчиненного: — Все вроде правильно ты делал, однако... Ну, короче, Пес, — я ж тебя не первый год знаю... Если б ты своих ублюдков не пожалел, глядишь, эти дядьки не лежали бы в рефрижераторе. Короче, должок за тобой.

Если и в этот раз оберзаешься — я тебе руки больше не подам... И скажи, бляха, что я не прав!

Рудин ничего говорить не стал — отвел взгляд в сторону, развернулся и направился к своей землянке — подымать снайперов, отдыхающих после ночного дежурства. Псы затрусили вслед за хозяином, сердито оглядываясь на майора, от которого исходили ощутимые флюиды недоброжелательности. Ух и вредный мужик! Почему хозяин его терпит? Дал бы заветную команду «Мочи!» — моментом бы на пару порвали наглеца на куски! Нет, не дает — терпит...

Возражать майору Рудин не стал, потому что прекрасно знал: в словах начальника разведки была доля правды. Если бы Рудин не пожалел вчера своих псов, полковники, вполне возможно, некоторое время еще пожили бы. А от Ингрид и Рэма наверняка остались бы два небольших холмика рядом с мусоросборником да рудинская заколючка в графе «потери» собачьего реестра...

— Подъем! — негромко скомандовал Рудин, просунув голову в землянку. — Десять минут на сборы — и на работу!

Над топчаном, расположенным в дальнем углу землянки, приподнялись две бритых головы, одна из которых невнятно выругалась, затем головы вновь исчезли в ворохе соломы, служившей подушкой, но с топчана встать никто не пожелал. Судя по всему, многоопытный командир группы уже давно привык к подобной реакции на свои распоряжения — по крайней мере расстраиваться и бурно реагировать он не стал.

— Жду минуту, потом пускаю Ингрид с Рэмом к вам — играть в мяч, — флегматично сообщил Рудин в пространство землянки. — Посмотрю, как они вам попы по-вскрывают.

Услышав о мяче, псы оживленно закрутили хвостами и, радостно поскуливая, попытались пролезть в землянку через узкое пространство между бедром Рудина и дверным косяком.

Между тем у обитателей землянки сообщение Рудина вызвало противоположную реакцию — то ли хлопцы патологически не любили спортивные игры, то ли в тутошной интерпретации «игра в мяч» не совсем соответствовала общепринятым нормам. Над топчаном вновь возникли два бритых черепа, один из которых гнусаво заканючил:

— Ты че, Пес, — офуел?! В семь утра легли! Сам сказал — до развода спать!

— В натуре, Серый, — совесть иметь надо, — хриплым басом протянул второй обитатель землянки. — Мы че тебе — солдаты? Спим, бля, по три часа в сутки — как птички, бля! Нет, ты совсем...

— Минута прошла, — оборвал Рудин, доставая из кармана маленький каучуковый мячик, покрытый многочисленными следами собачьих зубов. Показав мяч собакам, он резко дернул рукой, делая вид, что швыряет многотрадальный каучук в землянку, распахнул дверь и, отступив в сторону, скомандовал: «Играть!!!» — а мячик незаметно спрятал за пазуху.

Восторженно взыв, трехгодовалый игрун Рэм бросился в глубь землянки — с секундным опозданием за ним последовала легкомысленная мамаша Ингрид, которая, несмотря на почтенный, по собачьим меркам, возраст, никогда не упускала случая порезвиться с сынком на пару.

В землянке мгновенно образовался неопиcуемый бардак. Не обнаружив «апорт» на полу, псы вскочили на нары и принялись требовать искомое у снайперов, вроде бы в шутку покусывая их за различные части тела и оглушительно лая. Рудин злорадно посмеивался у входа: в короткие периоды относительно мирного существования он приучил свою команду к этой коллективной забаве, в результате чего у псов сложился стереотип поведения — нужно успеть отобрать мяч у одного из снайперов до того момента, пока тот не бросил его напарнику.

— Убери этих козлов, Серый! — отчаянно заорал номер первый — Саша Масловец (боевая кличка, сами понимаете, Масло). — Убери, бля, а то щас порвут!

— От же гондон, сука! — невнятно выругался номер второй — обладатель хриплого баса Кот (в миру — Валера Котов). — Ну пес — он и есть пес! Люди ему по барабану...

Рудин чутким слухом определил, что Кот запрыгнул на стол и находится в относительной недосягаемости для псов. Он уже хотел было пошутить, что, дескать, коты к разряду людей никоим образом не относятся, а потому и пользуются особым расположением собачьего сословия, но в этот момент Кот продолжил тираду:

— ...полковников, бля, сгубил ради своих уродов, теперь до нас добирается, сволочь...

Рудин резко помрачнел — это начинало ему надоедать. Если один из самых близких людей солидарен с начальником разведки, можно представить, что думают по этому поводу остальные однополчане.

— Ко мне! — негромко скомандовал Рудин и, уловив некоторое замешательство псов, не желавших обрывать игру, повысил голос: — Ко мне, я сказал!!!

Семейная пара просочилась через дверь землянки и с обескураженным видом уселась рядом с хозяином — непонятно что-то, то играй, то не играй!

— Десять минут на сборы, — бросил Рудин в распахнутую дверь. — Прокурор будет скоро — пойдем Терминатора пасти...

Группа ликвидации снайперов — это вовсе не круто. Это — от безысходности, это — дань суровой необходимости. Лучшее средство против снайпера вне городских условий — плотный огонь минометного расчета, в прицепе к которому идет хороший корректировщик, и обе эти составляющие в ходе работы находятся на безопасном удалении, вне досягаемости снайперского выстрела. В городе против снайперов хорошо себя зарекомендовали артиллерия и реактивные огнеметы. И не важно, что гаубицы и самоходки не обладают большой точностью, работая по обширным площадям, — совсем необязательно, чтобы снаряд залетел именно в ту комнату, где сидит снайпер. Достаточно нащупать и не спеша начать разру-

шать дом, в котором комната, где сидит вредный. Подавляющее большинство вражьих снайперов — наемники вничеченского производства, которые ценят свою жизнь и не желают быть камикадзе — им не за это платят.

Однако зачастую случается так, что уютжить минометами «зеленку» нельзя, — как в случае с убитыми вчера полковниками. То мораторий, не вовремя низвергнутый на головы вояк из недр государственной машины, то просто — район договорной. А в населенном пункте сплошь и рядом проявляется игривый нрав представителей военного командования, которые планируют размещение федеральных сил и средств таким образом, что не то что из гаубицы — из пулемета очередь безнаказанно дать нельзя, обязательно попадешь в своих, с соседней заставы, по прихотливой случайности расположенной в секторах твоего блокпоста. Вот и придумали группы ликвидации снайперов, которые, как правило, состоят из кинолога с собачкой (или парой собак) и двух-трех снайперов.

Коэффициент эффективности таких групп довольно низок, поэтому особого внимания им никто не уделяет — в военных мемуарах вы вряд ли встретите восторженные описания работы доморощенных снайперобойцев. Причина проста и по военному времени никому не интересна. Уровень восприятия вибраций, шумов и великолепное чутье позволяют тренированной собаке легко обнаружить затаившегося в «зеленке» или в разрушенном доме снайпера. Ну вот обнаружила она врага, а дальше что? Просто погавкать и сделать стойку — бесполезно:

во-первых, хозяин не сможет точно определить местонахождение снайпера, во-вторых, лаем собака выдаст вектор перемещения группы и сорвет боевую задачу. Поэтому собаку для групп уничтожения готовят соответствующим образом: в случае обнаружения снайпера она должна кратчайшим путем и по возможности бесшумно выдвинуться к месту расположения снайпера и вступить с ним в единоборство. Естественно, маскироваться в процессе перемещения собаку научить очень сложно, а в большинстве случаев практически невозможно, поэтому, обнаружив врага — независимо, один он или с группой обеспечения, — пес бросает все дела и сломя голову летит навстречу неизбежной гибели. В ходе подготовки псине внушают ложный постулат — оружие не причиняет вреда. Ее приучают к выстрелам — процесс долгий и краткому описанию не подлежит, — но в конечном итоге собака выстрелы игнорирует. Добраться до снайперской шеи собаке удастся крайне редко — в лучшем случае ей посчастливится заставить группу обеспечения снайпера открыть огонь и тем самым обнаружить место «сидки». Ну вот собачку замочили, снайпер с группой быстренько убрался восвояси, ненадолго оставив в покое облюбованный объект... А что осталось? Остался психически травмированный кинолог — без собаки. Мелочь по военному времени — кто будет сокрушаться по убиенной псине, когда вокруг пачками гибнут люди?! А вот кинолог... Он долгие месяцы готовил свою собаку к этому сумасшедшему поступку, вложил в нее огромный труд, привязался,

как к родному ребенку. Теперь он возьмет в питомнике новую собаку и вновь начнет тренировать — готовить к неминуемой гибели. А для справочки, между делом, следует сообщить, что черствых сухарей, равнодушных к судьбе своих питомцев, среди кинологов нет. Не водятся как-то... Потому-то эффективность групп уничтожения крайне низка. Специалист-собаковод заранее знает, что его зверь обречен, и чисто интуитивно — не потому что сволочь конченная, вовсе нет! — пускается на разнообразные ухищрения, чтобы избежать столкновения со снайпером.

Группа Рудина отличалась от подразделений подобного типа. За семь месяцев она обезвредила девять снайперских бригад и двоих индивидуалов, при этом семейная пара — мама Ингрид и Рэм-сынуля — осталась НЕВРЕДИМОЙ.

Данное обстоятельство породило массу полуфантастических слухов и предположений, более похожих на сказки: вся группировка знала, что Пес (это вовсе не ругательство, а официальная боевая кличка Рудина), начав охоту, обязательно аннулирует снайпера, а вот о непреложных составляющих этой удачливости почему-то никто не задумывался — на войне не до этого. Это же обстоятельство, как ни странно, создало вокруг неуловимого Терминатора некий мистический ореол. Никто, кроме начальника разведки полка, почему-то не счел нужным упрекать Рудина в халатности и внезапной потере профессионализма за то, что он два месяца валяет дурака и

не может придушить вредителя. Подавляющее большинство, не вдаваясь в подробности, просто считало, что этот снайпер — ОСОБЫЙ...

Вкратце метод Рудина заключался в том, что он практически не обманывал своих питомцев, использовал их нестандартным способом и делал акцент на профессионализм работающих в группе снайперов. Система тренировок была построена таким образом, что у семейной пары Ингрид — Рэм выработалась устойчивая ассоциативная цепочка: обнаруженный враг опасен — о нем необходимо дать знать хозяину — хозяин вычислит врага и убьет его. Были, конечно, многочисленные нюансы, но в целом все просто и доступно — никого не надо хватать за горло и при этом подставлять себя под пули...

Когда группа была готова к выдвижению, Рудин без обиняков высказался:

— Мужики... В том, что получилось вчера, не я один виноват. Это наш общий метод, мы вместе его родили. Угу... Ну, пока он сбоев не давал. А вот вчера он не сработал — осечка вышла. Вот ты, Кот, давеча сказал, что я полковников загубил...

— Трепанулся, братуха, прости засранца, — смущенно пробасил Кот. — Че ж я, не понимаю, что ли? Все лопухнулись — любому дебилу понятно!

— Не-а, не любому, — покачал головой Рудин. — Палыч, например, вполне искренне считает, что это именно я оплошал. Причем чуть ли не преднамеренно...

— Слушай, Пес, хорош выеживаться! — досадливо

буркнул Масло. — Ты, когда пи...дюлей от начальства получишь, такие умные слова говоришь — уши в трубочку сворачиваются! Давай пойдём к Палычу и скажем ему, че по чем. А?

— Не стоит, — отказался Рудин, спрыгивая в траншею. — Давай лучше пойдём и порвём попу этому пидеру, — он ткнул пальцем в сторону могучей «зеленки», раскинувшейся в трехстах метрах от позиций заставы. — Тогда не надо будет ничего объяснять. Всё, по местам...

На войне снайперы не пользуются убойными машинами, которые показали нам голливудские ребятишки в «Саботаже» и «Шакале». Это, конечно, впечатляющие, но слишком громоздкие и неудобные для пешего передвижения приспособления. Пеший снайпер использует легкие типы вооружения, которые не препятствуют скрытому перемещению, дальность наиболее действенного огня такого оружия не превышает километра. Исходя из этих параметров, группа и строит свою работу: необходимо обследовать километровую полосу, окаймляющую заставу, и «выпасти» в этом радиусе затаившегося врага до того, как он успеет сделать свои роковые два-три выстрела с интервалом в несколько секунд. Внешне задача выглядит несложной: прогулялся с собачками вокруг заставы, обнаружил супостата и иди себе тушенку потреблять. Есть, правда, один маленький нюансик. Притаившийся в лесу снайпер видит, как кинолог с собаками покидает заставу, наблюдает за ним, пока тот передвигается по открытой местности до опушки, и с легкостью может вы-

числить маршрут его движения по лесному массиву. А кинолог прекрасно знает, что снайпер его видит, и испытывает при этом соответствующие чувства, присущие любому нормальному человеку, не склонному к самоубийству. Разумеется, снайпер до последнего будет оттягивать момент, когда нужно всадить пулю в лоб специалисту, — он сюда не за этим пришел, есть цели поважнее. Но кто его знает — чего там с утра этот вредоносный снайпер поел и с какой ноги встал?! Никто не даст гарантию, что снайпер в один прекрасный момент не махнет рукой на важную персону, за которой пришел, и в припадке раздражения не пристрелит надоедливую псарию — чтобы не шастал где попало, прицел не застил...

Благополучно миновав полосу МВЗ¹ и добравшись до опушки, Рудин напористо скомандовал в свой нагрудный карман, где была упакована портативная радиостанция: «Прямо! — И тут же, сбавив тон, добавил: — Шестьдесят пять, северо-запад».

Застывшая в тридцати метрах спереди семейная пара, оживленно тряхнув хвостами, сорвалась с места и затрусила от просеки в глубь леса. Просека, по которой тянулась высоковольтка, была настоящим спасением и являлась исходной точкой в полосе поиска — она прекрасно просматривалась с заставы на пару километров и не давала снайперу возможности ходить за группой по кругу. Рудин отер внезапно вспотевший лоб и двинулся за пса-

¹ Минно-взрывные заграждения.

ми, максимально расслабившись и чутко прислушиваясь. Снайперы тоже начали перемещаться: Масло, довольно ухмыльнувшись, пошел по траншее к позиции гранатометного расчета ждать следующей команды, а Кот, украдкой перекрестившись и втянув голову в плечи, затрусил по проходу через МВЗ к просеке. Рудин начал работать в его секторе — нужно выдвигаться, занимать позицию и прикрывать.

Связь внутри группы осуществлялась с помощью комплекта радиостанций малого радиуса действия, который трое людей приобрели на свои кровные, — у собак деньги сроду не водились, а Родина давала такую табельную аппаратуру, что пользоваться ею мог только самый безнадежный оптимист с мышцами бодибилдера. Собаки быстро привыкли к небольшим коробочкам, которые крепились к ошейникам, а вот с командами довольно долго ничего не получалось — радиостанция искажала голос хозяина, делая его неузнаваемым. Пришлось пускаться на самые невероятные ухищрения, чтобы заставить хитрых бестий повиноваться.

Перемещаясь по лесному массиву, Рудин наблюдал за поведением псов и фиксировал малейшие изменения обстановки. Километровый участок вокруг заставы он знал как свои пять пальцев — за два месяца облазил его вдоль и поперек и мог с большой вероятностью предсказать, где враг оборудует очередное «гнездо». Беда в том, что удобных мест для этих самых «гнезд» тут было более чем достаточно — природа так распорядилась. Терминатор,

как и полагается опытному истребителю, использовал химикаты, на которые собачий нос реагировал весьма болезненно: это было что-то раздражающего действия, вызывающее у собак устойчивый чих и обильную мокроту. За два месяца Рудин приноровился к снайперской хитрости: приучил своих питомцев воспринимать химикаты так же, как и человека. Собаки, учуяв поверху нехороший запах, делали «лежку» и опускали нос в землю, оберегая свою слизистую.

Терминатор также приноровился к рудинским изыскам: он стал обрабатывать химикатами несколько точек на некотором удалении друг от друга, что затрудняло поиски. Но, в конце концов, человек сам издает сильный запах, оружие пахнет еще острее — все это вместе с противособачьей химией создает специфический фон, нужно только научить псов воспринимать его и соответствующим образом реагировать. Рудин был близок к тому, чтобы разрешить и эту проблему — вчерашний случай тому подтверждение...

Командир группы замер — псы дали «лежку». Основное отличие метода Рудина заключалось в том, что его собаки не бросались на врага, а ложились и ожидали дальнейших команд. Рудину стоило огромного труда приучить своих питомцев к столь нетипичному поведению. Сослуживцы недоуменно качали головами: псина «пастушьей» породы, почуяв врага, должна стремглав мчаться, чтобы порвать его на части, это естественно. Рудинские псы, если следовать общепринятым стандартам, ве-

ли себя как уроды. Но благодаря этому они до сих пор оставались живы и успешно выполняли возложенные на них задачи.

Итак, псы резко плюхнулись на брюхо и уткнули носы в землю, недовольно фыркая.

— Ползи! — распорядился Рудин, отслеживая в бинокль поведение семейной пары. Собаки поползли, показывая направление, в котором был обнаружен запах. Уши торчком, нос в землю. Если бы к химии примешивался запах человеческого тела и ружейной смазки, псы прижали бы уши и нервничали. Химия явно была вчерашней — обильного отделения мокроты не наблюдалось. Рудин разочарованно выдохнул и скомандовал: «Встать! Лево!» — это была пустышка, одна из точек, помеченных еще вчера хитрым Терминатором.

Псы вскочили и затрусили налево. Рудин двинулся следом, недовольно нахмурившись. В тандеме человек — собака, пусть это будет даже самая распрекрасная и сверхтренированная собака, главную роль играет человек, его умение точно анализировать собачьи реакции и своевременно отдавать нужные команды. Тогда этот тандем боеспособен, его действия эффективны, и человек может рассчитывать, что проживет чуть дольше в условиях войны в отличие от своих менее удачливых собратьев по оружию.

Рудин тяжело вздохнул и смущенно крикнул. Желание жить и сохранить жизнь своим близким — самый сильный из основных инстинктов, однако... Вчера, при анало-

гичных обстоятельствах, его группа вычислила Терминатора. Псы дали очередную лежку, и реакция их была более чем красноречивой — они даже рычать начали, несмотря на обильную мокроту, вызванную резким химическим запахом. На позициях заставы, метрах в пятистах от Рудина, в это время полковники из комиссии по разоружению выходили из «уазика». Рудин скомандовал ползти — собаки показали направление. В этот момент Рудин, внимательно следивший за поведением питомцев в бинокль, уловил метрах в двухстах спереди слабый проблеск. Рудин превратился в соляной столб и на секунду замешкался — удача была слишком невероятной, чтобы поверить в нее вот так, с ходу. Затем начал ориентировать снайперов — те слегка запутались в секторах и перемещались медленнее, чем было необходимо. В общем, псы лежали, снайперы перемещались, полковники шли по открытой местности, а Рудин не решался дать собакам последнюю команду — жалко было, до самого конца надеялся, что снайперы успеют. А те не успели. Итог известен: собаки остались живы, Терминатор хлопнул полковников и смылся, а Рудин оказался в глубоком дерьме...

Три обнаруженные точки оказались пустышками. Сектор поисков сужался — оставалось что-то около пяти удобных для «гнездовья» местечек, расположенных на незначительном удалении друг от друга. Рудин произвел несложные подсчеты: Терминатор мог пробраться в лес только по одной из четырех разминированных тропинок в юго-западной четверти, граничащей с просекой, пере-

мещаться по кругу поленился, значит, именно там следовало сосредоточить основные усилия.

— Второй, третий, давай оба в юго-западную четверть, — скомандовал Рудин снайперам и ускорил шаг — псы бежали довольно резво, подтверждая его предположение о том, что три четверти полосы лесного массива вокруг заставы сегодня никто не посещал.

Из-за леса донесся гул подлетающей вертолетной пары. Рудин шумно засопел и на всякий случай попросил:

— Хлопцы, шевелитесь. Через три минуты сядут, а мы юго-запад еще не отработали... Шевелитесь!

Вертолеты выскочили из-за леса — один, заложив малый вираж, сразу пошел на посадку, второй двинулся по кругу, контролируя местность.

Псы в очередной раз легли. У Рудина нехорошо кольнуло сердце — прикинув к биноклю, он впился взглядом в своих питомцев. Уши прижаты. Обильное отделение мокроты. Оскал в наличии — рычат, зверюги. Ну, здравствуй, Терминатор. Метод Рудина обретает свою завершающую форму — хрен положить на твою химию.

— Ползи! — скомандовал Рудин и слезно попросил снайперов: — Хлопцы, он здесь. У вас есть от силы полминуты!

Псы шустро поползли, возбужденно фыркая и прижимая хвосты. Рудин вычислил направление — до наиболее удобного места для «гнезда» — немногим более ста пятидесяти метров. Черт, совсем рядом!

«Вертушка» мягко коснулась шасси утрамбованного пятачка посреди расположения заставы. Лопасты подня-

ли обильное облако пыли. Рудин оглянулся и прикусил губу. Через несколько секунд из этого облака покажется прокурор, которому предстоит пройти по открытой местности пятьдесят метров.

Псы продолжали ползти, все чаще приподнимая зады, — нервничали. Рудин внимательно всмотрелся в место предполагаемого «гнездовья» — показалось, что ветка кустарника как-то неправильно дрогнула.

— Вы где? — зловещим шепотом поинтересовался в микрофон. — Вы тута или где?!

— Через десять секунд будем, — хрипло ответил запыхавшийся Кот. — Не бойсь, успеем!

Рудин вновь припал к биноклю. Нет, не показалось — ветка, что дрогнула три секунды назад, сейчас была неестественно согнута и чем-то прикреплена к стволу чахлого деревца.

Лицо Рудина перекосила гримаса отчаяния — оглянувшись, он увидел, как в облаке поднятой лопастями пыли прорисовываются силуэты идущих от вертолета людей. Снайперы не успевали. Ситуация — полный аналог вчерашней, хуже некуда.

— МОЧИ!!! — надрывно крикнул Рудин, забыв нажать на тангенту рации.

Псы услышали. Привитая установка — не трогать обнаруженную добычу — была разбита тысячелетним инстинктом хищника: резко стартовав с места, две серые тени рванули вперед, стремительно сокращая расстояние до заветных кустов, в которых затаился ВРАГ.

Бросив бинокль, Рудин смахнул внезапно выступив-

шие слезы, поудобнее встал на колено и вдавил приклад «АКСа» в плечо, поводя стволом в сторону предполагаемого «гнезда».

Ба-бах! — раскатисто шарахнул первый выстрел — Рэма, несущегося на пару корпусов впереди мамы, подбросило вверх, он упал ничком и замер без движения.

Ба-бах! — второй выстрел, последовавший буквально спустя полторы секунды, отшвырнул Ингрид в сторону; хрипло завизжав, она несколько раз крутанулась на спине, выгибая шею и пытаясь укусить себя за правую ляжку.

Рудин словил последнюю вспышку в прорезь прицельной планки, стиснув зубы, выдохнул: «НА!!!» — и нажал на спусковой крючок, выпуская весь магазин в направлении супостата. С той стороны послышался пронзительный вопль — тонкий, леденящий душу, словно кричал ребенок.

Отработанным движением сменив магазин, Рудин вскочил и бросился вперед. В этот момент в кустах полыхнула третья вспышка — Рудина будто кто-то кувалдой по ноге жажнул, сила удара развернула его почти на 180 градусов. Не успев сообразить, что произошло, он повернулся и заковылял по инерции вперед, приволакивая мгновенно онемевшую правую ногу.

Четвертую вспышку он тоже увидел, но звука выстрела уже не ощутил — огненная пчела ужалила под правую ключицу, швырнула на землю, подхватила и уволокла в черную мглу НЕБЫТИЯ...

Глава 1

— О-о! Ты с кем, красотуля? Или сама по себе? — Один из трех здоровенных секьюрити в смокинге загородил дверь ресторанного входа и не торопился уступать дорогу, впиваясь взглядом в острый угол Алисиного декольте, — еще чуть-чуть, и нырнет.

— Странно... а мне сказали, что здесь приличное заведение. — Алиса изобразила презрительную гримасу, извлекла записную книжку с ручкой и чиркнула фамилию атлета, красовавшуюся на пластиковом жетоне на его груди. — А тут хамят — не успеешь зайти. Или в вашей забегаловке принято всем тыкать?

— О как! — обескураженно пробормотал секьюрити, растерянно оглядываясь. — Извините, мэ... Я вас перепутал — показалось, раньше встречались — ну, в повседневной обстановке...

— Туда, где я бываю в повседневной обстановке, тебя разве что полы помыть пустили бы, — дерзко заявила Алиса. — А я с полотерами как-то не того... не мой стиль.

Списочек посмотри, малыш, — двенадцатый столик, Сергеева.

Атлет выдернул из нагрудного кармана список заказов, нашел требуемую строчку и, слегка поклонившись, потянул на себя огромную стеклянную дверь:

— Проходите, мэ. И пожалуйста, не говорите об этом маленьком инциденте мэтру — у меня семья, знаете ли...

— Посмотрим на ваше поведение, юноша, — буркнула Алиса, заходя в вестибюль и направляясь к овальному зеркалу в золоченой старинной раме, расположенному между двумя витыми лестницами, ведущими в Большой зал. В вестибюле, кроме еще одной троицы стандартных шкафчиков в смокингах, никого более не было — по всей видимости, мэтр пошел провожать прибывших накануне завсегдатаев. Поправляя прическу, Алиса несколько секунд наблюдала за секьюрити — парни вели себя нормально, пялились на гостью и перешептывались с сибаритствующим видом.

— Поздравляю, старушка, — одними губами сказала себе Алиса. — На тебя смотрят здоровые самцы... Что, есть на что посмотреть? — и придирчиво оглядела свое отражение в зеркале.

Посмотреть действительно было на что — «старушка» выглядела на все сто. Метр семьдесят пять, шестьдесят пять кило, 96 — 65 — 100 — не голливудский, конечно, стандарт, но в комплексе все смотрится вполне завлекательно: длинные точеные ножки, осиная талия, попка кругленькая, да плюс ко всему — копна свежесмытых,

хорошо уложенных воздушных волос цвета спелой пшеницы, большущие зеленые глаза под мохнатыми ресницами, не нуждающимися в туши, и чуть скуластое личико, некоторым образом нестандартное и вместе с тем весьма пикантное в этой своей нестандартности.

— А пасть? — усомнилась Алиса, доставая из сумочки помаду и критически делая губы бантиком. В этом плане у нее был пунктик — завкафедрой, старый маразматик, частенько грубо шутил над подчиненной, которая в ходе жарких дебатов на научные темы принималась громко доказывать свою правоту, что называется, «во весь рот».

— В такую пасть, рыбонька моя, да арбузы класть! — вот так говорил этот никчемный полумужикашка, вообразивший себя пожившим и все повидавшим знатоком жизни. Ну действительно, всю жизнь Алиса считала, что у нее непропорционально большой рот, — был такой грех!

— Браки все это! — сердито прошептала Алиса, подкрашивая губы. Из зеркала на нее смотрела очень даже симпатичная дама. Рот большим не казался — чувственные, слегка подкрашенные губы могли свести с ума любого мужчину.

— Вот тебе и синий чулок, — с некоторой растерянностью пробормотала Алиса, закончив осмотр. — Я вам еще всем покажу! — после чего украдкой извлекла из сумочки листок с планом, несколько секунд потратила на изучение расположения столиков, упрятала листок обратно и поднялась по правой лестнице наверх.

В зале было хорошо. Мастерски подобранное освеще-